

DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-43-56

Т.Н. Шушунова

Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева (Москва, Россия)

НООПОЛИС КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ ЗА ЗНАНИЯ В ЭПОХУ НООНОМИКИ

Аннотация: В статье рассматривается ноополис как новая форма организации городского пространства в условиях становления ноономики. Показано, что накопление технологических решений в рамках модели умного города не обеспечивает переход к более высокому качеству городской жизни, так как развитие умного города сопровождается ростом цифрового неравенства, исключительно практической, хозяйственной функциональностью в ущерб комфорту, экологии и социальной среде, достижением целей развития с помощью технологий, инженерных решений и цифровых систем. Главным критерием успеха становится эффективность, а житель рассматривается как пользователь, который должен подстроиться под систему. Рассмотрена концепция ноополиса как качественно иного типа городской системы, в которой знания, культура, наука, общественный интеллект и воспроизводство человеческого потенциала становятся базовыми источниками управления. В статье ноополис интерпретируется как пространственный базис ноономики, как среда, в которой происходит преобразование самого характера общественного воспроизводства: от производства вещей к производству знаний, культурных смыслов, общественных связей и условий для развития человека.

Ключевые слова: ноополис, ноономика, ноосфера, человеческий капитал, городское развитие, экономика знаний, умный город, общественный интеллект, устойчивое развитие.

Для цитирования: Шушунова Т.Н. (2026). Ноополис как стратегический ответ на вызовы глобальной конкуренции за знания в эпоху ноономики // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 5, № 3. С. 43–56. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-43-56

Tatyana N. Shushunova

D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia (Moscow, Russia)

NOOPOLIS AS A STRATEGIC RESPONSE TO THE CHALLENGES OF GLOBAL COMPETITION FOR KNOWLEDGE IN THE ERA OF NOONOMY

Abstract: This article examines noopolis as a new form of urban space organization in the context of the emergence of noonomy. It is shown that the accumulation of technological solutions within the smart city model does not ensure a transition to a higher quality of urban life, as the development of smart cities is accompanied by a growing digital divide, focusing exclusively on practical, economic functionality at the expense of comfort, ecology, and the social environment,

and achieving development goals through technology, engineering solutions, and digital systems. Efficiency becomes the primary criterion for success, and residents are viewed as users who must adapt to the system. The concept of noopolis is explored as a qualitatively different type of urban system, in which knowledge, culture, science, public intelligence, and the reproduction of human potential become the fundamental sources of governance. The article interprets noopolis as the spatial basis of noonomy, an environment in which the very nature of social reproduction is transformed: from the production of things to the production of knowledge, cultural meanings, social connections, and conditions for human development.

Keywords: noopolis, noonomy, noosphere, human capital, urban development, knowledge economy, smart city, public intelligence, sustainable development.

For citation: Shushunova T. N. (2026). Noopolis as a Strategic Response to the Challenges of Global Competition for Knowledge in the Era of Noonomy. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*, Vol. 5, No. 3, pp. 43–56. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-43-56

舒舒诺娃T. N.

俄罗斯门捷列夫化工大学(俄罗斯, 莫斯科)

智慧城市是对智慧经济时代全球知识竞争挑战的战略回应

摘要: 本文探讨了在智慧经济形成背景下作为城市空间组织新形式的“智慧城市”。文中指出, 在智能城市模型框架内积累技术解决方案并不能确保城市生活质量的提升, 因为智能城市的发展伴随着数字不平等的加剧, 只注重实用性和经济功能而牺牲了舒适度、生态与社会环境, 且发展目标的实现完全依赖于技术、工程解决方案和数字系统。效率成为成功的主要标准, 而居民则被视为必须适应系统的用户。本文探讨了“智慧城市”概念, 将其视为一种本质上截然不同的城市系统, 其中知识、文化、科学、社会智慧以及人类潜能的再生产成为管理的基本要素。本文将“智慧城市”视为智慧经济的空间基础, 即社会再生产本质发生转变的环境: 从物质生产转向知识生产、文化创作、社会关系构建以及个体发展条件创造。

关键词: 智慧城市、智慧经济、智慧圈、人力资本、城市发展、知识经济、智能城市、社会智能、可持续发展。

引用注释: 舒舒诺娃T. N. (2026). 智慧城市是对智慧经济时代全球知识竞争挑战的战略回应//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 5, No. 3, pp. 43–56. DOI: 10.37930/2782-618X-2026-5-3-43-56

Введение

Современный город переживает глубокую трансформацию. Еще недавно основным ориентиром городской модернизации выступала цифровизация на основе внедрения платформенных сервисов, интеллектуальных транспортных систем, сенсорных сетей, алгоритмов обработки данных и систем мониторинга. Но чем глубже современный город по-

гружается в цифровую оболочку, тем отчетливее становятся противоречия его развития: технологическая насыщенность сама по себе еще не создает ни содержательного развития, ни общественной целостности, ни нового качества человеческой жизни. Мы научились лучше видеть город, но далеко не всегда лучше его понимать. Мы научились быстрее принимать решения, но далеко не всегда стали мудрее в выборе целей. И именно здесь начинается настоящая научная проблема.

Сегодня город уже нельзя описывать только как административную единицу, территорию с высокой концентрацией населения и капитала или совокупность инфраструктурных систем. Современный мегаполис – это сложнейшая социально-экономическая система, в которой переплетены потоки энергии, информации, капитала, символов, культурных практик, институтов и человеческих ожиданий. Но если так, то и его развитие не может оцениваться только по классическим параметрам роста. Нельзя считать, что город состоялся, если он быстрее перевозит, эффективнее взимает, плотнее собирает и удобнее обслуживает. Эти показатели необходимы, но они не отвечают на главный вопрос: во что именно превращается человеческая жизнь в подобной среде? Становится ли она богаче, свободнее, культурнее, осмысленнее? Расширяет ли такой город пространство человеческого развития или, наоборот, делает человека лишь более приспособленным элементом в идеально отлаженной системе?

Именно поэтому в современной теории и практике городского управления назревает поворот от технократической модели к антропоцентричной [Шушунова, 2024, с. 271]. Возрастает внимание к человеческому капиталу, к качеству социальной среды, к устойчивости, к институтам участия, к городскому знанию, к культурной насыщенности и, что особенно важно, к самому целеполаганию управления. На первый план постепенно выходит мысль, что технологии должны быть не предметом гордости сами по себе, а инструментом более высокого порядка – инструментом гармонизации развития общества, экономики и природы. Это означает, что город будущего нужно рассматривать уже не только как умный город, но и как более сложную форму – ноополис.

Понятие ноополиса позволяет выйти за рамки дихотомии между «цифровым» и «нецифровым» городом. Ноополис – это не отказ от технологий, а их подчинение цели создания такой городской среды, в которой знания, наука, культура и технологии служат не сами себе, а всестороннему развитию человека, общественного интеллекта и гармоничному воспроизводству природы и общества. Это не просто город знаний, устойчивый город или площадка для креативной экономики. Это город, в котором наука, образование, культура, коллективное мышление, открытые знания и экологическая ответственность жителей становятся внутренней логикой всей системы. Иначе говоря, ноополис – это город, где развитие подчинено не ускорению процессов городской экономики как таковых, а развитию самого человека и общественного интеллекта [Castells, 2010, p. 99–101].

Такое понимание города опирается, с одной стороны, на отечественную интеллектуальную традицию, связанную с учением В. И. Вернадского о ноосфере, а с другой – на современную экономическую мысль, прежде всего на теорию ноономики С. Д. Бодрунова. В. И. Вернадский показал, что человечество вступает в такую фазу развития, когда научная мысль и разумная деятельность становятся геологической силой планетарного масштаба [Вернадский, 1991, с.148]. То есть человечество в своем развитии достигло такого состояния развития, когда совокупная научная мысль и деятельность людей стали фактором, спо-

собным изменять биосферу в глобальном, планетарном масштабе. Он назвал это состояние ноосферой — «сферой разума».

С. Д. Бодрунов, развивая эту идею уже в политэкономическом ключе, обосновывает движение общества к ноономике – такому состоянию, в котором знание, культура, творчество и развитие человека начинают вытеснять узкую логику вещного производства и рыночной утилитарности [Бодрунов, 2019, с. 9].

Ноономика как новая стадия общественного развития фиксирует исторический сдвиг, при котором знание, творчество, образование, культура и всестороннее развитие человека начинают вытеснять сугубо рыночную и утилитарную логику хозяйствования. В этом контексте ноополис выступает пространственным выражением ноономики, ее территориальной и институциональной формой. Именно в нем становится возможным преобразование города из пространства накопления капитала в пространство выращивания общественного интеллекта. Это такая организация города, в которой производство знания, общественного интеллекта, человеческих способностей и культурных кодов становится важнее простого накопления сервисов и физических мощностей. Следовательно, вопрос о ноополисе – это вопрос не только урбанистический, но и политэкономический. Это понимание нового типа общественного воспроизводства и той городской среды, которая этому типу соответствует.

Потому исследование ноополиса имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Речь идет не о конструировании утопии, а о выявлении уже существующих тенденций, которые позволяют по-новому взглянуть на траекторию развития современных мегаполисов. В настоящее время ряд городов мира демонстрирует такие элементы организации городской среды, которые не сводимы к привычной логике умного города и все более отчетливо указывают на становление иной модели развития. Анализ этих элементов позволяет лучше понять не только будущее города, но и будущее экономики как таковой.

Именно это и составляет цель данной статьи – показать, что ноополис следует понимать как пространственную форму ноономики, а также выявить на примере конкретных городов те элементы, которые уже сегодня указывают на движение в этом направлении.

Методология исследования

Методологически данная работа исходит из того, что город нельзя анализировать как сумму отраслей, функций и сервисов. Такой взгляд слишком беден для понимания современной городской динамики. Город приходится рассматривать как целостную воспроизводственную систему, внутри которой экономические, культурные, экологические, технологические и политические процессы связаны куда теснее, чем это предполагают отраслевые схемы анализа. Поэтому в статье сочетаются системный, политэкономический и сравнительно-институциональный подходы.

Системный подход позволил увидеть город не как набор автономных подсистем, а как организм, в котором изменение одного элемента неизбежно затрагивает другие. Это особенно важно для анализа ноополиса: здесь невозможно отдельно рассматривать транспорт, цифровую инфраструктуру, образование, управление и экологию, поскольку именно способ их соединения и образует качественно новый тип городской целостности.

Политэкономический подход нужен, чтобы не растворить проблему в модной риторике о «цифровой трансформации». Вопрос о городе – это всегда вопрос о способе общественного воспроизводства. Когда меняются технологии, меняются не только инструменты, но и

отношения между людьми, между трудом и знанием, между обществом и природой, между властью и жителями. Именно поэтому ноополис интересует нас не как улучшенная административная модель, а как пространство, где меняется сама доминирующая логика развития.

Сравнительно-институциональный подход использовался для анализа практик мегаполисов. Города, выбранные для исследования, важны не потому, что они «лучшие» в некоем универсальном рейтинге, а потому, что каждый из них демонстрирует разные, но показательные формы отхода от узко технократической модели. В одном случае это кооперация науки, администрации и горожан; в другом – сочетание цифрового управления с институтами медиации и участия; в третьем – построение открытой городской цифровой инфраструктуры как общественного блага. Именно в этих различиях и проявляется эмпирический смысл понятия ноополиса.

Концептуально-теоретический анализ трудов В. И. Вернадского, С. Д. Бодрунова, Д. Белла, М. Кастельса, Т. Шульца, Г. Беккера и др. позволил встроить исследование в логику эволюции общественной мысли – от представлений о постиндустриальном и информационном обществе к ноосферной и ноономической трактовке современности.

Эмпирическая база статьи включала материалы официальных городских платформ, документы по участию граждан в управлении мегаполисами, сайты инновационных кластеров городов и сервисов открытых данных. Использование этих источников важно не только по соображениям верифицируемости. Оно позволяет анализировать не внешний имидж городов, а институционально закреплённые механизмы, реальные, а не декларируемые элементы перехода к новой модели.

Теоретические основания концепции ноополиса

Ноополис – это не разновидность умного города, а иная историческая форма городской организации. Это означает смену исследовательских подходов к изучению города. Если в большинстве работ о городах будущего речь идет о цифровой эффективности, экологической устойчивости или инновационной емкости, то в данной статье акцент смещается на то, что можно назвать изменением общественной функции города. Ноополис понимается как такая среда, в которой знание, культура, наука и развитие человека становятся не внешним фактором экономики, а ее внутренними источниками развития.

Новым является акцент на том, что в ноополисе предметом управления становятся не только потоки транспорта, энергии, воды и данных, но и условия воспроизводства общественного интеллекта. Иначе говоря, речь идет не просто об управлении городской машиной, а об организации городской способности к мышлению. Такой подход позволяет увидеть, что современный кризис урбанистики связан не только с экологией или инфраструктурой, но и с тем, что город нередко оказывается беден по содержанию социальной и культурной жизни, даже будучи богатым на технологические решения.

Понять ноополис невозможно, если понимать город лишь как техническое устройство. Город никогда не был просто совокупностью зданий, дорог, труб и регламентов. Даже индустриальный город, который, казалось бы, наиболее близок к механической метафоре, в действительности представлял собой куда более сложную форму: он организовывал не только производство, но и образ жизни, иерархию времени, ритм труда, культурную дисциплину, способы социализации и даже тип личности. Тем более это относится к современ-

ному городу. Чем сложнее становится общество, тем очевиднее, что город – это не фон для экономических процессов, а форма их исторического существования.

Именно поэтому концепция ноополиса требует не технического, а цивилизационного подхода. Его первоисточники следует искать в теории ноосферы В.И. Вернадского. Ноосфера – это стадия развития биосферы, на которой разумная деятельность человечества становится определяющим фактором ее изменения [Вернадский, 2013, с.17]. Но принципиально важно вот что: речь идет не просто о накоплении знаний. Разум начинает менять мир не как сумма частных усилий, а как организованная, исторически значимая сила. Наука, коммуникации, техника, новые источники энергии, глобальные связи – все это перестраивает саму ткань существования человечества и ставит вопрос о новой ответственности разума перед миром.

Если перенести этот тезис в урбанистическую плоскость, мы увидим, что современные города являются, по сути, узлами концентрации ноосферы. В них сжаты в одном пространстве огромные объемы знаний, технологий, организационных форм, культурных кодов и социальных взаимодействий. Но одновременно именно в городе наиболее остро проявляются и противоречия этой новой эпохи: экологическая перегрузка, социальное неравенство, цифровая сегрегация, управленческая непрозрачность, распад общих смыслов, одиночество, дефицит времени и внимания. Иначе говоря, город оказывается узлом пространства, где разум одновременно и усиливается, и рискует сам себя разрушить. Поэтому город в ноосфере – это не просто город, где много научных и образовательных учреждений. Это город, где разум становится принципом организации системы. Не модным дополнением, не надстройкой поверх административной машины, а именно принципом. И вот здесь возникает понятие ноополиса. Ноополис – это такая стадия развития городов, в которой управление строится не на автоматическом воспроизводстве сложившихся интересов и не на слепой оптимизации потоков, а на научно и общественно осмысленной координации развития. Он ориентирован на долгосрочные последствия решений, на качество жизни его жителей, на культурное и экологическое воспроизводство среды, на формирование коллективной способности городских сообществ мыслить и действовать не ситуативно, а стратегически.

Но только теории ноосферы недостаточно. Она задает масштаб, но не дает полной политэкономической определенности. Здесь и вступает в силу теория ноономики С. Д. Бодрунова. В этой концепции развития экономики современное общество проходит исторический рубеж: производительные силы, основанные прежде всего на знаниях и новых технологиях, все больше подрывают старую логику экономики как системы, сосредоточенной на товаре, стоимости, ограниченности ресурсов и подчинении человеческого развития внешней хозяйственной целесообразности. Возникает возможность и вместе с тем необходимость иного способа общественного развития, в котором знание, творчество, культура и развитие человека приобретают приоритетное значение [Бодрунов, 2024, с.17]. Именно в этом смысле ноономика – не просто теория «экономики знаний». Это гораздо более глубокий тезис: знание перестает быть лишь фактором повышения производительности в прежней хозяйственной системе. Оно становится основанием нового качества общественного бытия. Меняется сама функция хозяйства: оно должно работать не на бесконечное расширение товарной формы, а на развитие человеческих способностей и создание условий для всестороннего раскрытия личности [Бодрунов, 2022, с.37]. Отсюда вытекает простая, но важная

мысль: если меняется содержание воспроизводства, то должна измениться и его пространственная форма. Этой формой и выступает ноополис.

Иначе говоря, ноополис – это город, соответствующий ноономике. Не обслуживающий ее извне, а выражающий ее внутреннюю логику. Если индустриальный город был построен вокруг фабрики, склада, железной дороги и кварталов дисциплинированной рабочей силы, если постиндустриальный город стал строиться вокруг офиса, сервиса, университета, финансового центра и платформенной инфраструктуры, то ноополис строится вокруг воспроизводства общественного интеллекта. Его центром становятся не просто объекты знания, а сама среда генерации, обмена, критики, практического применения и общественного распределения знания.

Здесь очень важно не впасть в иллюзию, будто речь идет только об университете, технопарке и стартапах. Это было бы слишком узко. Ноополис – это не технополис и не кампус-город. В нем наука и образование перестают быть сектором. Они становятся способом организации всей среды. Библиотека, исследовательская лаборатория, культурный центр, общественное пространство, гражданская платформа, открытая база данных, медицинская сеть, система непрерывного образования, экосистема городских экспериментов – все это образует единую когнитивную инфраструктуру. Мегаполис начинает жить, развивая не только транспортную инфраструктуру, энергоэффективность и оптимизируя бюджет, но и обмениваясь смыслами, компетенциями, проектными идеями, междисциплинарными связями.

В этом отношении концепция ноополиса опирается на классические работы о постиндустриальном и информационном обществе. Д. Белл еще в 1970-е годы указывал, что знания и теоретическая информация становятся центральным ресурсом новой общественной структуры [Белл, 2004, с. 145]. М. Кастельс позднее показал, что в сетевом обществе потоки информации и сетевые формы организации начинают определять экономическую и социальную динамику [Кастельс, 2000, с. 82]. Однако и здесь ноономика делает следующий шаг. Она не ограничивается фиксацией роста роли знания. Она ставит вопрос о том, как меняется сама цель общественного развития, если знание, творчество и культура становятся его главным содержанием/

Отсюда вытекает и новое понимание человеческого капитала. В работах Т. Шульца и Г. Беккера человеческий капитал рассматривался как запас знаний, навыков, образования и здоровья, увеличивающий будущий доход и производительность. Это был фундаментальный шаг в экономической мысли, потому что человек был выведен за пределы роли простого носителя труда. Но у этой концепции, при всей ее прогрессивности, сохранялась инструментальная рамка: образование и развитие человека оправдывались прежде всего через будущую экономическую отдачу. Для ноономики и для концепции ноополиса этого уже недостаточно. Человеческий капитал должен быть понят шире – как форма развития самого человека, как общественная цель, а не только экономический ресурс [Schultz, 1971, p. 78; Becker, 1962, p. 12].

Происходит принципиальный разворот. В ноополисе город больше не инвестирует в человека лишь затем, чтобы повысить конкурентоспособность территории или налоговую базу. Он инвестирует в человека потому, что развитие человека становится смыслом общественного воспроизводства. Образование в такой системе – не поставщик дипломов и не фабрика компетенций под текущий спрос рынка. Это непрерывный процесс форми-

рования способностей к мышлению, кооперации, творчеству и ответственному участию. Культура – не досуговый сектор, а механизм производства смыслов и общественной связанности. Здравоохранение – не просто лечение, а условие полноценного человеческого развития. Открытые данные – не только данные для приложений, а среда прозрачности, участия и коллективного понимания городской реальности.

Отсюда следует и новая логика оценки города. Если мы продолжаем измерять успех города только через ВРП, инвестиции, стоимость недвижимости, транспортную скорость или число стартапов, мы неизбежно остаемся внутри старой рациональности. Ноополис требует других индикаторов, даже если они пока менее привычны. Насколько город расширяет доступ к непрерывному образованию? Насколько он соединяет науку и повседневность? Насколько его среда способствует междисциплинарным контактам? Умеет ли он включать в цифровую и культурную экосистему пожилых, жителей с ограниченными возможностями? Снижает ли он когнитивные барьеры? Создает ли он пространство не только потребления, но и мышления? Это и есть подлинные вопросы нового городского развития.

Ноополис, таким образом, меняет не только предмет управления, но и сам тип рациональности, лежащий в основе городской политики. Традиционный город управлялся через контроль над материальными, ресурсными, финансовыми, информационными потоками. Управление сводилось к их распределению, учету, регулированию, нормированию. Умный город добавил к этому алгоритмы, цифровые панели и аналитику в реальном времени. Ноополис идет дальше. Он делает главным объектом управления не поток как таковой, а способность общества разумно организовывать свое развитие. Это означает, что управление должно работать с доверием, с вниманием, с институтами участия, с когнитивной доступностью среды, с культурной сложностью пространства, с диалогом между наукой и горожанами.

Здесь возникает еще один важный аспект – внимание как ресурс. В индустриальном городе главным дефицитом было рабочее время и источники энергии. В постиндустриальном – доступ к информации и мобильности. В современном обществе дефицитным ресурсом становится внимание. Город может быть великолепно цифровизирован, но, если он перегружает человека шумом, сигналами, интерфейсами, навязчивой рекламой, бесконечными транзакциями и фрагментированными решениями, он истощает способность к осмысленному действию. Ноополис должен не только распространять знания, но и сохранять условия для сосредоточения, понимания и коллективного мышления. В этом смысле он обязан быть не просто высокотехнологичным, а когнитивно экологичным.

Наконец, нельзя забывать о том, что ноополис – это «живой» город. Ноосфера у В.И. Вернадского не существует без биосферы. Следовательно, ноополис не может быть машиной, которая только потребляет ресурсы и экспортирует отходы. Его зрелость определяется способностью снижать энтропию собственной системы: развивать циркулярные процессы, переходить к более чистой энергетике, сокращать избыточные материальные потоки, проектировать среду так, чтобы она поддерживала здоровье, а не разрушала его. Но это опять же вопрос не только развития технических систем и технологий. Экологическая рациональность в ноополисе – это функция культуры, знания и коллективной ответственности. И потому экологическая политика здесь оказывается не отдельным направлением, а характеристикой всей системы.

Поэтому ноополис можно определить как такую стадию развития города, в которой наука, знания, культура, человеческое развитие, экологическая ответственность и институты

общественного участия соединяются в единую логику управления и воспроизводства. Это город, где технологии не исчезают, а занимают подходящее им место – место инструмента. Это город, где экономика не отменяется, но перестает быть самодовлеющей. Это город, где разум становится не внешней рефлексией над городским хаосом, а внутренним принципом его организации.

Ноополис и преодоление ограничений умного города

Справедливости ради нужно признать: концепция умного города сыграла исторически позитивную роль. Она разрушила инерцию старых бюрократических подходов к муниципальному управлению, заставила по-новому взглянуть на данные, на обратную связь, на интеграцию городских систем, на возможность видеть город в динамике, а не только в отчетности. Благодаря ей стало возможным гораздо точнее работать с транспортом, коммунальными сетями, городской безопасностью, распределением нагрузки и целым рядом других сфер [Song, 2023, p. 170].

Но у умного города есть внутренний предел развития, и он проходит там, где эффективность начинает подменять развитие. Умный город очень хорошо отвечает на вопрос: «Как сделать быстрее, точнее, дешевле, удобнее?». Но гораздо слабее отвечает на вопрос: «Зачем?». Можно идеально оптимизировать транспортные потоки и при этом не уменьшить отчуждение между районами. Можно собрать колоссальные объемы данных и при этом не создать общественную прозрачность системы управления городом. Можно дать жителю десятки цифровых сервисов и одновременно не сделать его участником принятия стратегических решений. Можно сократить время ожидания и увеличить плотность транзакций, но не приблизиться к более зрелой, культурной и устойчивой городской жизни [Chang, 2018, p. 17].

Именно поэтому ноополис не следует понимать как умный город 2.0. Это не просто следующая версия того же продукта. Это другая логика. В умном городе технологии зачастую задают рамку, внутри которой уже затем обсуждаются комфорт, устойчивость и участие. В ноополисе все наоборот: сначала определяется общественная цель, направленная на развитие человека, общественного интеллекта, культурной и экологической целостности, а затем уже технология занимает свое место в этой системе.

С этой точки зрения различие между умным городом и ноополисом такое же, как между расчетливостью и разумом. Расчетливость может быть чрезвычайно высокой и при этом не вести к подлинному развитию. Разум же предполагает способность видеть целое, учитывать долгосрочные последствия, удерживать нравственный и культурный горизонт, не растворяться в минутной выгоде. Ноополис – это попытка перевести городскую систему из режима расчетливости в режим разума.

Зарождение ноополисов

Анализ развития мировых мегаполисов показал, что элементы ноополиса уже существуют. Они не образуют завершенной модели, но складываются в узнаваемую концепцию.

Копенгаген, например, важен для анализа прежде всего тем, что инновационность здесь выстроена не как витрина технологий, а как форма кооперации. Лаборатория решений Копенгагена (Copenhagen Solutions Lab) прямо описывает себя как структуру, которая развивает и внедряет решения совместно с бизнесом и научно-образовательными учреждениями

в интересах городского развития¹. Важен сам принцип: не закрытая экспертная машина, а пространство интеграции науки, администрации и практического эксперимента. Не менее показателен пример и Гражданской ассамблеи Копенгагена (Copenhagen Citizens' Assembly), где репрезентативная группа жителей обсуждает будущее города и вырабатывает рекомендации по его развитию². Это уже не просто опрос общественного мнения, а институционализированная форма включения граждан в осмысленное обсуждение стратегических вопросов. А инновационный кластер Копенгагена (Innovation District Copenhagen) демонстрирует, что инновационная среда здесь понимается как территориальная экосистема: более 500 компаний и около 40 тысяч исследователей, студентов и сотрудников объединены в едином пространстве взаимодействия³. Все это позволяет говорить о Копенгагене как о городе, где знание постепенно превращается в ткань городской жизни, а не остается собственностью отдельных институтов.

Сеул представляет другую траекторию движения к ноополису. Здесь особенно интересно сочетание высокотехнологичной городской инфраструктуры с механизмами участия и медиации. Анализ официальных сайтов города показывал, что система партиципаторного бюджетирования действует в Сеуле с 2012 года и в течение нескольких лет обеспечивал стабильное включение гражданских предложений в бюджетный процесс⁴. Уже сам факт устойчивого институционального закрепления такой практики означает, что город начинает воспринимать жителя не только как получателя услуг, но и как соучастника распределения общественных ресурсов. Еще важнее, что Сеул создал особую систему управления конфликтов: город признает конфликт не как «сбой», который нужно быстро подавить, а как неизбежный элемент сложного общества, требующий процедур согласования и посредничества⁵. И даже внедрение IoT решений и цифровых инструментов мониторинга подается не просто как средство контроля, а как способ повысить общественную безопасность и качество городской среды⁶. Таким образом, Сеул демонстрирует важную вещь: ноополисные элементы могут расти и из среды города с высоким уровнем цифровизации, если технология не подменяет собой общественную логику, а включается в нее.

Пример Барселоны наиболее ярко показывает, как технологии могут служить городскому гуманизму. Платформа Decidim позиционируется как свободная, открытая и безопасная технология для участия граждан, а в документации она прямо называется инфраструктурой общих благ⁷. Это важная формулировка: цифровая платформа понимается не как частный сервис или инструмент административной мобилизации, а как общественное благо. Портал открытых данных мэрии Барселоны (Open Data BCN) поддерживает широкий каталог открытых наборов данных, делая информацию доступной для общественного использования⁸. Платформа Sentilo, в свою очередь, определяется как платформа с открытым

¹ Copenhagen Solutions Lab. Official site. 2026. URL: cphsolutionslab.kk.dk (датаобращения: 19.04.2026).

² OIDP. Copenhagen Citizens' Assembly. 2024. URL: oidp.net (датаобращения: 19.04.2026).

³ Innovation District Copenhagen. Official site. 2026. URL: innovationdistrictcopenhagen.dk (датаобращения: 19.04.2026).

⁴ Seoul Metropolitan Government. Participatory Budget System. 2026. URL: world.seoul.go.kr (датаобращения: 19.04.2026).

⁵ Seoul Metropolitan Government. Introduction to Conflict Management of Seoul. 2016. URL: english.seoul.go.kr (датаобращения: 19.04.2026).

⁶ Seoul Metropolitan Government. Voluntary Local Review 2025. URL: gold.uclg.org (дата обращения: 19.04.2026).

⁷ Decidim. Official platform documentation. 2026. URL: decidim.org (дата обращения: 19.04.2026).

⁸ Open Data BCN. Barcelona open data service. 2026. URL: opendataajuntament.barcelona.cat (датаобращения: 19.04.2026).

исходным кодом для датчиков и исполнительных устройств, рассчитанная на открытость и беспрепятственное взаимодействие¹. Иными словами, сама архитектура городской цифровой среды строится не вокруг закрытости, а вокруг совместимости и открытости. Наконец, квартал 22@Barcelona – это не просто инновационный квартал, а пример того, как исследовательская и предпринимательская активность может быть встроена в живую ткань города, а не изолирована в корпоративном анклав². Пример Барселоны в этом отношении особенно важен, потому что виден сам принцип: технология должна не замещать гражданина, а расширять поле его осмысленного участия.

В Москве тоже можно увидеть отдельные элементы ноополиса. Они пока не складываются в целостную модель, но тенденция заметна. Развитие зеленых территорий – это не просто благоустройство, а формирование экологического каркаса города. Модернизация общественного транспорта влияет не только на удобство передвижения, но и на качество воздуха, на уровень шума, на связность районов. Повышение доступности социальных услуг – это тоже часть более широкой задачи улучшения качества жизни. В последние годы в Москве реализуются проекты по созданию комфортной городской среды. Благоустройство общественных пространств, развитие пешеходной инфраструктуры – эти процессы идут достаточно активно. Город активно внедряет цифровые решения в управление транспортом, здравоохранением, городскими сервисами. Одна из заметных систем – управление дорожным движением на основе данных с камер и датчиков. Потоки регулируются не по жесткому графику, а в зависимости от реальной ситуации. Платформа «Активный гражданин» – это попытка встроить обратную связь от жителей в процесс принятия решений. Не всегда это работает идеально, но сам принцип важен: город перестает воспринимать граждан как пассивных получателей услуг. В здравоохранении внедрена единая цифровая система. Она позволяет координировать работу медицинских учреждений, сокращать очереди, повышать доступность помощи. Эти решения в совокупности демонстрируют сдвиг от разрозненных цифровых сервисов к интегрированной системе управления. Вместе с тем они пока во многом опираются на технологические решения. Это не плохо и не хорошо, это отражает промежуточный характер текущего этапа. Москва движется в сторону более сложной модели, но окончательный переход еще впереди.

В настоящее время ни один из рассмотренных мегаполисов не является ноополисом в полном и завершенном смысле, а скорее протоноополисом. У каждого есть собственные ограничения, противоречия, зоны исключения, остатки старой логики управления. Но здесь важно другое. Все они показывают, что движение к новой модели развития мегаполиса возможно. Причем оно начинается не с покупки новой платформы и не с внедрения очередного набора сенсоров. Оно начинается там, где город перестает мыслить себя только как механизм обслуживания и начинает понимать себя как среду общественного разума.

Анализ результатов исследования

Полученные результаты позволяют сделать важный методологический вывод. Ноополис нельзя искать по формальным чек-листам. Его нельзя определить простым набором признаков, например, такими как «наличие открытых данных», «развитая цифровая ин-

¹ Sentilo. Official site. 2026. URL: sentilo.io (дата обращения: 19.04.2026). 22@Barcelona, the innovation district.

² Barcelona, 2009. URL: bcnroc.ajuntament.barcelona.cat (дата обращения: 19.04.2026).

фраструктура», «устойчивый транспорт» или «участие граждан». Все эти элементы могут присутствовать и в городе, который остается глубоко встроенным в старую экономическую и административную логику. Ноополис возникает там, где меняется не только инструментарий, но и сам смысл городской политики.

Это, возможно, самый трудный момент для практики управления. Проще всего модернизировать городские сервисы. Гораздо труднее изменить целеполагание. Проще внедрить платформу обратной связи. Гораздо труднее превратить ее в реальный механизм общественного мышления. Проще говорить о человеческом капитале как о конкурентном преимуществе территории. Гораздо труднее признать, что развитие человека должно стать не средством, а целью. Но без этого перехода ноополис невозможен.

Здесь концепция ноономики оказывается особенно необходимой, так как позволяет увидеть, что проблема города будущего не сводится к совершенствованию механизмов муниципального управления. Вопрос стоит шире: в каком направлении движется вся система общественного воспроизводства? Если знание, культура, творчество и развитие человека действительно становятся центральным содержанием новой постиндустриальной эпохи, то город обязан перестроиться соответственно. Он должен перестать быть просто вместилищем труда, капитала и сервисов. Он должен стать средой выращивания общественно-го интеллекта. Иначе говоря, ноополис – это не просто новая урбанистическая модель. Это форма цивилизационного перехода.

Ноополис следует понимать как качественно новый тип городской системы, возникающий в условиях перехода к ноономике. Он не является ни простой модернизацией умного города, ни комбинацией устойчивого города и города знаний. Его своеобразие состоит в том, что знания, наука, культура, человеческое развитие, общественное участие и экологическая ответственность образуют здесь внутреннее основание управления и воспроизводства. Ноополис предстает не как нейтральное пространство размещения хозяйственной активности, а как форма организации общественного разума и как пространственный базис нового качества общественной жизни.

Переход к ноополису означает изменение самой логики городской политики. В центре оказывается уже не только эффективность, но и развитие человека; не только обслуживание потоков, но и формирование условий для мышления, участия, доверия и культурного роста; не только цифровизация, но и подчинение технологий общественно значимым целям.

Анализ Копенгагена, Сеула, Барселоны, Москвы показал, что отдельные элементы ноополиса уже существуют в современной практике. Это проявляется в институционализации гражданского участия, открытых цифровых инфраструктурах, интеграции науки и городского управления, развитии инновационных районов и ориентации технологий на общественное благо. Но самое важное в этих примерах – не набор инструментов, а меняющаяся логика: город начинает учиться мыслить себя не «машиной для людей», а средой развития разума.

И в этом состоит, пожалуй, главный вывод. Будущее города зависит не от количества умных решений. Оно зависит от того, сумеет ли он стать пространством, где технологии служат не вещам, а человеку, не контролю, а развитию, не краткосрочной выгоде, а долгой и разумной истории городских сообществ. В этом смысле ноополис – не просто образ будущего города. Это образ более зрелой цивилизации.

Список источников

- Белл Д. (2004). Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 788 с.
- Бодрунов С.Д. (2024). Ноономика и ее роль в разрешении проблем современности: теоретические аспекты и практика управления социально-экономическим развитием // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 3. № 4. С. 13-21. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-4-13-21.
- Бодрунов С. Д. (2019). Ноономика: концептуальные основы новой парадигмы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. Т. 20, № 1. С. 5–12. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-1.
- Бодрунов С. Д. (2022). От ноономики – к ноосфере? // Ноономика и ноообщество: альманах трудов ИНИР им. С. Ю. Витте. Т. 1. № 3. С. 36–47. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-3-36-47.
- Вернадский В. И. (1991). Научная мысль как планетное явление. М.: Наука. 270 с.
- Вернадский В. И. (2013). Несколько слов о ноосфере. // Ноосферные исследования. № 1(1). С. 6-17.
- Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.
- Шушунова, Т. Н. (2024). Формирование ноопространств «умных» городов на основе принципа антропоцентричности. // Роль местного самоуправления в развитии государства на современном этапе: Материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: Государственный университет управления. С. 271-274.
- Becker G. S. (1962). Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. // The Journal of Political Economy. vol. 70. no 5. Pp. 9–49.
- Chang D. L., Sabatini-Marques J., Da Costa E. M., Selig P. M., Yigitcanlar T. (2018). Knowledge-based, smart and sustainable cities: a provocation for a conceptual framework // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. Vol. 4. no. 1. Art. 5. DOI: 10.1186/s40852-018-0087-2.
- Schultz T. (1971). Investment in Human Capital: Role of Education and of Research. // New York, The Free Press, London, Collier-Macmillan Limited. 272 p.
- Song K., Chen Y., Duan Y., Zheng Y. (2023). Urban governance: A review of intellectual structure and topic evolution // Urban Governance. Vol. 3. No. 3. Pp. 169–185. DOI: 10.1016/j.ugj.2023.08.001.

References

- Bell D. (2004). *The Coming Postindustrial Society: An Experience of Social Forecasting*. Moscow: Academia Publ. 788 p. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2024). Noonomy and Its Role in Resolving Modern Problems: Theoretical Aspects and Practice of Managing Socioeconomic Development. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 3. No. 4. Pp. 13–21. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-4-13-21. (In Russ.).
- Bodrunov S. D. (2019). Noonomy: Conceptual Foundations of the New Development Paradigm. *Bulletin of the Ural State University of Economics*. Vol. 20. No. 1. Pp. 5–12. DOI: 10.29141/2073-1019-2019-20-1-1. (In Russ.).

- Bodrunov S. D. (2022). From Noonomy to the Noosphere? In: *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S. Y. Witte INID*. Vol. 1. No. 3. Pp. 36–47. DOI: 10.37930/2782-618X-2022-1-3-36-47. (In Russ.).
- Vernadsky V. I. (1991). *Scientific Thought as a Planetary Phenomenon*. Moscow: Nauka Publ. 270 p. (In Russ.).
- Vernadsky V. I. (2013). A Few Words about the Noosphere. In: *Noospheric Studies*. Vol. 1. No. 1. Pp. 6–17. (In Russ.).
- Castells M. (2000). *The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Moscow: HSE University Publ. 608 p. (In Russ.).
- Shushunova T. N. (2024). Formation of Smart Cities' Noospaces Based on the Principle of Anthropocentricity. In: *The Role of Local Self-Government in State Development at the Current Stage: Proceedings of the 9th International Scientific and Practical Conference*. Moscow: State University of Management. Pp. 271–274. (In Russ.).
- Becker G. S. (1962). Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. In: *The Journal of Political Economy*. Vol. 70. No 5. Pp. 9–49.
- Chang D. L., Sabatini-Marques J., Da Costa E. M., Selig P. M., Yigitcanlar T. (2018). Knowledge-Based, Smart and Sustainable Cities: A Provocation for a Conceptual Framework. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. Vol. 4. No. 1. Art. 5. DOI: 10.1186/s40852-018-0087-2.
- Schultz T. (1971). *Investment in Human Capital: Role of Education and of Research*. In: New York, The Free Press, London, Collier-Macmillan Limited. 272 p.
- Song K., Chen Y., Duan Y., Zheng Y. (2023). Urban governance: A review of intellectual structure and topic evolution. *Urban Governance*. Vol. 3. No. 3. Pp. 169–185. DOI: 10.1016/j.ugj.2023.08.001.

Информация об авторе

Шушунова Татьяна Николаевна

Доцент кафедры менеджмента и маркетинга Российского химико-технологического университета имени Д.И. Менделеева (125047, РФ, г. Москва, Миусская площадь, д. 9, стр. 1), доцент кафедры государственного и муниципального управления Государственного университета управления (109542, РФ, Москва, Рязанский проспект, д. 99), кандидат технических наук.

E-mail: serg-1167@yandex.ru

Information about the author

Tatyana N. Shushunova

Assistant Professor at the Department of Management and Marketing, D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia (9/1 Miusskaya pl, Moscow, 125047, Russian Federation), Assistant Professor at the Department of State and Municipal Management, State University of Management (99 Ryazansky pr., Moscow, 109542, Russian Federation), Candidate of Technical Sciences.

E-mail: serg-1167@yandex.ru